

Т. С. Рудиченко

В НАЧАЛЕ ПУТИ

(О фольклористической деятельности А. М. Листопадова)

Фигура Александра Михайловича Листопадова — одна из самых значительных в русской фольклористике. Ему удалось собрать и опубликовать огромный корпус донских песен¹. Равных по объему региональных публикаций русского музыкального фольклора нет до сих пор. По собственным оценкам собирателя, им записано, с учетом таджикских, украинских, калмыцких, русских не донских, всего около 1800 песен², из 1225 донских — 720 совместно с С. Я. Арефиным (более половины всех казачьих записей).

Наследие А. М. Листопадова — как публикации, так и рукописи — изучено все еще недостаточно.

Большой объем опубликованных записей, однородность, можно даже сказать утомляющее однообразие, напевов, а также критические материалы о принципах редактирования записей снизили интерес и общественную значимость изданий. Как справедливо заметил А. Затаевич относительно своих публикаций, подобные большие сборники «часто не изучают, а только перелистывают»³.

На первый выпуск «Песен донских казаков» (1911)⁴ появляется целый ряд рецензий и текстологических комментариев⁵. Активно изучается и весь пятитомный свод ПДК.

Исследователи сформулировали принципы редакционной методики А. М. Листопадова, используя и традиционные для текстологии методы сравнительного изучения автографов и разновременных публикаций одних и тех же песен, и специфически фольклористические — сравнение публикаций и повторных записей, выполненных по следам собирателя⁶.

По мере накопления современных звукозаписей казачьих песен и исследовательских наблюдений над их музыкально-фольклорной традицией интерес к фольклористическому методу А. М. Листопадова возрождается.

Архив и библиотека А. М. Листопадова после двух войн — гражданской и Великой Отечественной — не сохранились в полном объеме. Считаются утраченными и фоновалики⁷. И хотя прошло уже несколько десятков лет после окончания войны и кончины А. М. Листопадова, то в одном, то в другом архиве обнаруживаются ранее не использовавшиеся или неизвестные автографы собирателя⁸. До сих пор реальны шансы обнаружения или приобретения отдельных частей его архива и библиотеки⁹. Многочисленные музыкальные автографы собирателя рассредоточены по музейным и архивным хранилищам, причем разобщенными оказались материалы однотипные, относящиеся к определенным периодам деятельности, связанные тематически. Более или менее целостно представлена часть архива, связанная с экспедициями 1902—1904 годов и работой над первым выпуском предполагавшейся серии «Песни донских казаков». Поскольку запись песен и подготовка их к изданию финансировались Войсковой казной, оригиналы и копии материалов экспедиции были представлены А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным Областному Войска Донского статистическому комитету. Это было одним из условий, оговоренных комитетом перед отправкой собирателя в экспедицию¹⁰. Этот архив сохранился практически полностью, за исключением тех оригинальных материалов, которые были переданы А. М. Листопадову для работы над первым выпуском «Песен донских казаков» (тексты С. Я. Арефина и нотные записи А. М. Листопадова и С. Я. Арефина (?))¹¹. Правда, при передаче документов Областного статистического комитета из Новочеркасска в Ростов (в теперешний ГАРО) записи напевов экспедиции остались в Новочеркасском Музее истории донского казачества¹². Фоновалики в этот период или позднее попали к А. М. Листопадову и хранились в его квартире (в Новочеркасске, а затем в Ростове) вплоть до начала войны, точнее до ограбления квартиры в 1942 году.

Другие части архива собирателя в разные годы, уже после смерти А. М. Листопадова и его жены Н. И. Листопадовой, поступали в ГЦММК и Ростовский областной музей краеведения¹³. В основном эти материалы связаны с подготовкой пятитомного свода. Исключение составляют хранящиеся в РОМК полевые тетради С. Я. Арефина как часть оригинальных материалов, выданных А. М. Листопадову Областным статистическим комитетом, попавшие сюда с архивом А. М. Листопадова. Хронологически они охватывают весь период его фольклористической деятельности (1892—1949).

Из всех имеющихся документов чаще всего используются хранящиеся в фонде ГАРО материалы известного донского историка Х. И. Попова¹⁴. Часть из них дублирована в фонде ОВДСК¹⁵. В ГАРО содержатся рукописи А. М. Листопадова — статьи, заметки, копии различных публикаций; доклад комиссии ОВДСК, протоколы заседаний комитета, переписка комитета по поводу

публикации донских песен (ед. хр. 257); письма А. М. Листопадова об издании песен (ед. хр. 578), предисловие к предполагаемому изданию «Песен донских казаков», тексты песен и их перечни (ед. хр. 720—725, 727, 730, 731); письма А. М. Листопадова Х. И. Попову; статья о песенной экспедиции 1902—1903 годов (машинопись; ед. хр. 790) и карандашные записи песен — двухстрочные редакции к сборнику 1911 года (см. *Прилож. № 1 а, б* (ед. хр. 791)); экземпляр отпечатанных текстов (с правкой) к этому сборнику (ед. хр. 791), часть этих же текстов сборника, также с правкой (ед. хр. 792).

В этом же фонде имеются записи других собирателей и копии публикаций, собранные Х. И. Поповым, которые использовал А. М. Листопадов при подготовке статей пятитомника (ед. хр. 726 и 44 — свадебные обряды, ед. хр. 728 — песни, ед. хр. 729 — казачьи), машинописная копия сборника А. Савельева (ед. хр. 556). Поскольку на этот фонд ссылаются практически все фольклористы, изучавшие проблемы редакционной методики А. М. Листопадова (Б. М. Добровольский, И. К. Свиридова, Т. С. Рудиченко, М. А. Лобанов), а листы использования свидетельствуют о том, что знакомились с ним и другие исследователи, ограничимся таким кратким описанием содержания фонда.

Без внимания фольклористов остался другой фонд, хранящийся в этом же архиве ОВДСК (ф. 353). С этим фондом работал при подготовке своей книги о Листопадове «Влюбленный в песню» ростовский краевед И. М. Гегузин¹⁶. Книга вышла в Ростовском книжном издательстве и разошлась, в основном, в Ростовской области, поэтому широко неизвестна. Автор, процитировав едва ли не полностью целый ряд документов фонда, не сделал ссылок на место хранения, номер фонда, единицы хранения и листы. Ввиду этого научная ценность публикации снизилась, так как при таком цитировании документов их невозможно использовать для работы.

Фонд ОВДСК содержит в полном виде документы о планировании и ходе экспедиции 1902—1903 годов и подготовке к печати первого выпуска записанных в этой экспедиции казачьих песен. В деле 543 («Дело об ассигновании средств на собирание песен в ОВД А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным») содержатся, в числе других документов, доклады А. М. Листопадова, С. Я. Арефина и Х. И. Попова. Если доклады А. М. Листопадова и Х. И. Попова в разное время были изданы (Листопадова — фрагментарно), то доклад С. Я. Арефина совершенно неизвестен, как неизвестна и сама личность собирателя.

Вообще роль С. Я. Арефина в донской песенной экспедиции не вполне еще ясна — записывал ли он только тексты, как свидетельствовал А. М. Листопадов, или тексты и напевы, на что указывают цитируемые ниже документы. Ясно одно: он был не просто помощником А. М. Листопадова, но и талантливым литератором, что явствует из его блестящих публикаций об экспеди-

циях¹⁷; и музыкантом. Х. И. Попов, характеризуя обоих кандидатов в донскую песенную экспедицию, говорит об их компетентности: «Оба они донские уроженцы, окончили полный курс духовной семинарии, хорошо изучили музыку и пение и несколько лет уже изучают песни своей родины, записав и положив на ноты — первый до 400 и последний до 150 старинных песен»¹⁸. Сданные после экспедиции материалы были рассмотрены на заседании комитета. В протоколе ОВДСК от 21.01.1904 г. говорится, что «приглашенный на заседание Ф. Ив. Попов сообщил, что нотные записи сделаны гг. Листопадовым и Арефиным очень хорошо»¹⁹. Поручение записывать тексты, данное комитетом лишь С. Я. Арефину, объясняется тем, что А. М. Листопадов уже имел к этому моменту отзыв Музыкально-этнографической комиссии ОЛЕАиЭ, написанный А. Л. Масловым (приобщен к документам ОВДСК как своего рода рекомендательное письмо). Арефин, по-видимому, был более активным членом экспедиции в организационных вопросах — всюду в документах его телеграммы, отчеты, именно ему принадлежат разработка маршрута экспедиции и определение ее графика с подробным этнографическим обоснованием.

Фольклорист говорит о необходимости записи песен в условиях их бытования. Свадебные и хороводные песни «обставлены известным ритуалом», надо увидеть и записать ритуал. Он обращает внимание на их «приуроченность ко времени года» («карагодные», «при завивании венков», «на троицын день»), обосновывает необходимость длительной экспедиции записью песен в естественных условиях — на «ярмарке», в «корчме», или при проводах «малолеток» на службу, или на «майское». На проводы собирается весь хутор и лучшие сыгравшиеся песенники, хорошо знающие характерные особенности и манеру «играть друг друга», что весьма важно, так как «необходимость следить друг за другом, приравниваться охлаждает увлечение песней»²⁰.

Маршрут и график экспедиции в представлении С. Я. Арефина выглядели так: «...октябрь — свадебные в 1 Донском округе и ст. Усть-Белокалитвенской и хуторах Большом и Малом Грачиках Митякинской станицы Донецкого округа — исторические на ярмарках; ноябрь и декабрь — посиделочные, гулебные (бабы), исторические в тех же округах; январь-февраль — свадебные во 2-ом Донском округе, исторические — на проводах казаков в полки.

Апрель, май, июнь — игровые, карагодные (девичьи), свадебные в Усть-Медведицком и Хоперском округах и исторические на ярмарках и на проводах казаков на „майское“.

При этом март — (Великий пост) — можно было бы посвятить на изучение и запись старообрядческих духовных стихов и приведение в порядок собранного материала»²¹. Как мы теперь знаем, план этот был реализован почти полностью.

Еще до начала экспедиции 1902—1903 годов у А. М. Листопа-

дова сформировался определенный метод записи со сведением вариаций, выработанный им в период стационарной работы. Ранее автору статьи уже приходилось об этом писать на основе сравнительного анализа ранних публикаций Листопадова, включавших записи, выполненные на его родине, и современных повторных нотаций звукозаписей²².

Сходные позиции были и у его товарища С. Я. Арефина. Любопытны их доклады-записки, оглашенные на заседании Областного статистического комитета 30 августа 1902 года в ходе подготовки к экспедиции, где оба собирателя, защищая право на участие в ней и компетентность, впервые сформулировали свой метод по всем позициям, в том числе по способу записи.

А. М. Листопадов, высказывая мысль о многоголосной природе казачьей песни, замечает, что один певец «при каждом новом стихе так разнообразит мелодию, так варьирует ее, что из последовательных записей всех его вариаций получается стройная оригинальная гармония с характерными интервалами, которые, будучи просты и естественны сами по себе, трудны для воспроизведения с нотных записей музыканту, воспитавшему свой слух на произведениях западноевропейской музыкальной литературы»²³.

С. Я. Арефин, в свою очередь, говорил о том, что старинная казачья песня забывается, «поэтому при записи текста песни часто приходится только намечать несколько стихов песни, а самый текст восстанавливать уже со слов других песенников, среди которых приходится еще искать знающих данную песню, чаще всего конец ее». «...Песню до конца не доигрывают, жене правды не сказывают — получается стереотипный ответ от всех, к кому ни обратишься с вопросом о тексте песни». Далее С. Я. Арефин добавляет, что ограничиваться сообщением одного-двух песенников нельзя, иначе будут отрывки песни²⁴.

Воплощение идей было осуществлено в экспедиции. А. М. Листопадов описал метод записи напевов и текстов в статье «Народная казачья песня на Дону» (опубликована отдельным оттиском в 1905 году и в I томе ТМЭК), а С. Я. Арефин в статье «Несколько слов по поводу собирания Донских казачьих песен»²⁵.

Ни А. М. Листопадов, ни С. Я. Арефин не считали, что они обрабатывают песни. Более того, в экспедиции, исходя из главной методической посылки С. Я. Арефина — критического отношения к песне на месте, во время записи²⁶, они тщательно работают над записями, возвращаясь повторно к ценным, на их взгляд, песням, отыскивая «полный» (не забытый) вариант. В отчетах, которые за двумя подписями С. Я. Арефин направлял в Областной статистический комитет, имеются совершенно определенные высказывания о том, как производились записи. В отчете от 1.01.1903 г. он сообщает о числе обследованных населенных пунктов и записанных песен (50) и что, «кроме того, разновремен-

но восстановлено или проверено 62 мотива и текста песен, которые были нами намечены раньше в разных пунктах, но не попали своевременно в сообщения, так как не внушали доверия к целостности мотива и текста и требовали еще строгой проверки в других песенных пунктах»²⁷.

После песенной экспедиции А. М. Листопадов отправился на учебу в Москву, и далее с С. Я. Арефиным их связывала только работа по подготовке первого выпуска «Песен донских казаков»²⁸. Позднее С. Я. Арефин отстранился от нее, что дало Листопадову основание в дальнейшем не упоминать его имени.

Тем не менее следует помнить, что при участии С. Я. Арефина записана большая часть ПДК — 703. Поскольку пока еще не найдено ни одного музыкального автографа песенной экспедиции (имеются в виду полевые оригиналы), остается неясным, производились ли музыкальные записи обоими собирателями, как это явствует из цитированных двух протоколов комитета, или только А. М. Листопадовым.

Среди других документов фонда ОВДСК, безусловно достойных внимания,— письма-отчеты о ходе экспедиции, написанные С. Я. Арефиным. В этих отчетах имеются сведения о лучших песенниках, выявленных в донской песенной экспедиции, их возрасте и месте жительства, и хотя сведения эти неполные, они совпадают со списками во 2-м полутоме I тома и II томе ПДК, где фамилии талантливых исполнителей даны вразрядку²⁹.

Имеются расписки 13 певцов из хуторов Екатеринбургской станицы, датированные 1903—1904 годами, о получении благодарности наказного атамана за содействие экспедиции. Расписки заверены печатями и росписями хуторских и станичного атаманов. Фамилии тех же певцов находим и в указах о благодарности³⁰. Всего в разных списках упомянуты 47 человек. Ранее подлинность приведенных А. М. Листопадовым в «Песнях донских казаков» списков была подтверждена сбором информации в экспедициях по следам собирателя (см. *Примеч.* 7). Таким образом, сомнения в подлинности фактических данных должны быть отведены навсегда.

Наконец, завершая обзор документов фонда ОВДСК, нельзя не упомянуть и о своеобразном деле «О рассылке сборников „Песен донских казаков“» (ед. хр. 666), документы которого поучительны для современных издателей как интересный опыт распространения публикаций и как выражение определенного направления в культурной политике, осуществляемого административными органами Войска Донского. Для штатских в рекомендательной форме, для военных в циркулярной (л. 59) сборник А. М. Листопадова и С. Я. Арефина был предложен в качестве источника для поддержания казачьей традиции и средства противостояния «разлагающему» влиянию «фабрично-заводской» культуры и воспитательной работе регентов, все делавших для того, чтобы в полках пелись общеармейские песни³¹.

Данные о практически полной реализации тиража среди самих традиционных певцов³² по-новому высвечивают значение этого сборника. Влияние его на полковой репертуар, а также стиля обработок и песенного состава на певческую культуру может стать темой отдельного исследования.

Архив А. М. Листопадова в РОМК включает ряд документов справочного характера³³, часть машинописных копий поэтических текстов исторических песен, вошедших во 2-й полутом I тома ПДК (34 с.), наброски статьи о песнях современного новаторства (6 с.), четыре тетради копий писем А. М. Листопадова (тетради VII, VIII, X, XI с февраля 1942 по апрель 1944 г. и с октября 1945 г. до последних дней жизни; последние письма тетради X и тетрадь XI написаны рукой жены собирателя Н. И. Листопадовой)³⁴. А. М. Листопадов копировал все письма и краткие известия о себе, которые отправлял кому-либо. Эпистолярное наследие РОМК включает, в частности, длительную переписку о подготовке к публикации пятитомника казачьих песен.

Наибольший интерес представляют этнографические материалы: две тетради поэтических текстов донской песенной экспедиции (записи С. Я. Арефина). Первая тетрадь — более позднее соединение тетрадей меньшего объема и разрозненных полевых записей, выполненных на отдельных листах, охватывающих записи от Нижне-Курмоярской до Обливской (№ 164—247), от Обливской до хутора Караичева (№ 248—326), и вторая тетрадь (№ 327—719)³⁵. Обе тетради сохранились не в полном объеме (только в одной тетради отсутствует 57 страниц). Ценность этих тетрадей в том, что они представляют собой действительно полевой экспедиционный материал (тетради названы «пріпевными»), а не переписанные набело копии. В таком «чистовом» виде, в полном объеме тексты экспедиции хранятся в ГАРО. Отдельные страницы черновых карандашных записей, выполненные на случайных листах, также имеются в ГАРО. И в РОМК и в ГАРО автографы Арефина, по-видимому, одного происхождения.

Многие страницы из этих тетрадей не просто утрачены, а вырезаны. Когда и с какой целью это сделано — неясно. Написаны тексты скорописью, чернилами и карандашом, с массой зачеркиваний, исправлений. Они могут представлять интерес для текстологов-филологов, так как позволяют проследить этапы работы над текстами, хотя и не несут принципиально новой информации.

Две другие тетради принадлежали А. М. Листопадову и относятся к периоду его стационарной работы в хуторе Насонтове. Тетрадь VI (бывшая X, записи датированы 15 декабря 1900 года)³⁶ содержит полную запись напевов и текстов свадебных песен, причитаний, кратких комментариев к этому обряду в хуторе Насонтове (с. 1—134) и песни, записанные впоследствии, во время экспедиций и проверочных выездов, в том числе нотации

фонографических записей, перенесенные из других тетрадей (с. 135—178). Во второй тетради — VII (бывшей XI) ³⁷ — содержится описание свадебного обряда и поверий на Дону. Тетрадь датирована 1897—1907 годами. На обеих тетрадях имеются памятные надписи А. М. Листопадова о том, что вместе с другим дорожным имуществом в июне 1915 года эти тетради несколько часов лежали на дне Дона.

Наибольшей ценностью обладает тетрадь с записями напевов и текстов (VI). Сам собиратель под заголовком тетради «Казачья свадьба на Дону (конца XIX века)» сделал помету: «Высшей ценности (как рукопись)». В этой тетради — собственные этнографические записи А. М. Листопадова, в то время как в тетради VII компиляция различных редакций нижнедонского обряда в записях разных собирателей, с указанием источников заимствований.

В тетради «Старинная казачья свадьба» последовательно, в соответствии с ходом обряда изложены свадебные песни. Группам и отдельным песням предшествует краткий обрядовый комментарий. Как правило, он относится к частям (фрагментам) свадебного ритуала — «своды», «рукобьтесь», «идут за невестой», «обыгрывают дружка», иногда более пространный: «В назначенный день собираются в дом невесты ее подружки и начинают петь песни».

В тетради аккуратно разлинееены нотоносцы, черными чернилами, каллиграфически написаны полные тексты и строфа (чаще всего) напева, а вся тетрадь оформлена как сборник песен. Записи песенных напевов однострочные, в то время как в публикации 1906 года (ТМЭК) двустрочные — на двух нотоносцах. В тетрадь включены и более поздние расшифровки фонограмм, в основном 1902—1904 годов, отмеченные Листопадовым ³⁸, некоторые из них многострофные (2-3 и до 9 строф). Большая часть расшифровок в таком же виде изложена в «Песнях донских казаков» ³⁹. Сюда перенесены и фонографические расшифровки свадебных песен из хутора Юрова Калитвенской станицы ⁴⁰.

В этой тетради собиратель раскрыл секреты своей камеральной работы. Напевы изложены несколько иначе, нежели в публикациях. В отличие от записей ТМЭК (т. 1, № 9, 11), здесь ясно выделен остов напева, его наиболее стабильная версия, и в этом смысле черновые записи ближе живой исполнительской традиции. Приемы выделения голоса различны: специальный штрих, подчеркивающий движение основного голоса (запевалы, как отмечал Листопадов), вариативные звуки или обороты выписываются без штилей или мельче «основных» (см. *Прилож. 2, 3*). Впечатление большей ясности возникает потому, что в этих записях не реализовано еще стремление из этих гетерофонных расслоений сделать самостоятельные голоса (см. *Прилож. 3*).

Имеющиеся в тетради сводки напевов и текстов обстоятельно оговорены. Так, в отношении песни «Вьюн на воде» («ПДК»,

№ 188) собиратель пишет: «Напев записан в ст. Сиротинской, но там в ДПЭ (донская песенная экспедиция.— Т. Р.) 10 мая в порядке нет (635). Слова взяты из ст. Перекопской, где записан под № 635, ...напев очень сходный, но не вполне аналогичный». Другой комментарий содержит ссылки на различные редакции поэтического текста этой песни в их нумерации в рукописях: «Вариант текста „Вьюн на воде“ и № 61 — VI, сюда же XIII, 635 напев с этим текстом, получается один текст (настоящий) с тремя вар[иантами] напева»⁴¹. (Ср. напев и тексты № 187 и 188 в «ПДК».)

Сходство напевов, записанных в близко расположенных станицах (Екатерининской и В.-Кундрюче [н]ской), подтолкнуло Листопадова на эксперимент сводки напевов. Фонографическую расшифровку «Чей конь наперед» (см. *Прилож. 4*; «ПДК», № 231) он комментирует: «См. сводку вар[иантов] напева — настоящего В-кундр[юческого] и Екатерининского (№ 55 [54]), где находится сводка»⁴² (см. *Прилож. 5*).

Возьмем на себя смелость утверждать, что «проверочный метод» А. М. Листопадова сформировался под влиянием С. Я. Арефина, так как после работы с ним Листопадов возвращается к ранее выполненным записям в хуторе Насонтове, где повторно записывает, в частности, свадебные песни, причитания, обряд, проверяет уже опубликованные (ср. № 9 ТМЭК, 1 и «ПДК», № 48), делая их новые редакции. Некоторые ранние слуховые нотации сверены с расшифровками. В них внесены дополнения, в том числе и за счет сведения междустрофных вариаций. Фонографические расшифровки также редактировались при подготовке напевов к изданию ПДК. Правда, в автографах все еще отчетливо просматривается основа напева (см. *Прилож. 6*).

Все эксперименты со сводками напевов относятся либо к экспедиционным, либо к послезаэкспедиционным проверочным записям. В «доэкспедиционной» части тетради (до с. 135) сводок текстов нет, а сводки напевов единичны и выполнены в более позднее время. Отсутствие сведения текстов подтверждается позднейшими записями в станице Краснодонецкой и хуторе Насонтове (70-х годов) и сравнением их с автографами. Вероятнее всего, сводками текстов в обоих изданиях ПДК (1911 и 1949—1954 годов) мы обязаны С. Я. Арефину, от которого был воспринят метод «проверочной записи».

Редактирование записей не ограничивалось только изменениями записи мелодики; неоднократно менялась тактировка (см. *Прилож. 2*), темпы, иногда фактура. В этой тетради мы находим образцы записей многоголосия, принципиально совпадающие с нотациями современных звукозаписей и в то же время не совпадающие с их изложением в ПДК. Так, песня «Тропинкою галка шла» в записи А. М. Листопадова 1900 года и нашей 1974 года имеет двухголосную основу: мелодический голос — верхний и басырующий, бурдолирующий — нижний. В нашей записи имеется

и третий голос — «тонкий», дублирующий то бас, то основной (см. *Прилож. 9*). Листопадковым песня изложена без нижнего голоса, по-видимому, из тех соображений, что голос этот напоминает гармонический бас, по мнению собирателя, «искажающий» природу песни и являющийся следствием работы регентов. То, что справедливо было подмечено им в отношении мужских песен, вряд ли может быть отнесено к песням женской традиции и скорее объясняется трансформацией в местной традиции принципов диафонии. В тетради есть и образцы двухрегистровой гетерофонии, с вынесенным на октаву вверх «тонким» голосом, но так же, как в «Песнях донских казаков», они характерны для экспедиционных записей верхнедонского ареала (выше волгодонской переволоки).

Большинство песен имеет ссылки на близкие варианты напевов и текстов в опубликованных сборниках (упомянуты текстовые публикации собирателей казачьих песен Савельева, Пивоварова, Караулова, а также имевшиеся в распоряжении собирателя сборники с напевами Львова, Пальчикова, Мельгунова, Лопатина и Прокунина, Дютша, Линевой, Римского-Корсакова).

Как и во всех ранних публикациях, в автографах принята фонетическая запись текста, но фонемы выписаны мелким шрифтом над нормативными звуками. Эти записи, в силу значительности их объема, представляют большой интерес для изучения особенностей говора в исторической ретроспективе и функционирования говора в обряде, сохраняющего многие архаические черты до наших дней.

Некоторые из текстов по разным причинам не опубликованы: свадебные припевки, известные по современным экспедиционным записям («Иди, иди, батенька (маменька), не бойся», «Ой, попик, попик, батька наш»), зачеркнуты в рукописи, с пометкой «украинские». Имеется в тетради и «не к месту», по выражению Листопадова, внесенное похоронное причитание по мужу без напева (см. *Прилож. 10—12*).

Политекстовые напевы еще не выделены им последовательно, поэтому изложены в нескольких вариантах, с разными текстами. В «Песнях донских казаков» многие из них опубликованы без напевов (тексты № 148, 242, 271 со ссылками на напевы № 115, 76, 111). Для возможности сравнения приводим два из них (см. *Прилож. 7, 8*).

Многочисленные замечания, щедро разбросанные по страницам тетради, сделаны не столько для себя, сколько для будущих читателей, поскольку носят характер разъяснений или памятных записей. Все эти замечания, уже упомянутые комментарии к форме обработки конкретных песен, снятие копий со всех писем свидетельствуют о том, что А. М. Листопадов не только осознавал значение своей деятельности для потомков, но и предполагал необходимость в будущем изучения подлинных материалов. Рукописные материалы поражают своей откровенностью; это отно-

сится не только к профессиональным аспектам, но и к фактам биографии (упоминание об ограблении квартиры «мародерами собственного двора»).

После знакомства с тетрадью «Казачья свадьба» проясняются мотивы высокой оценки записей А. М. Листопадова на заседании МЭК, поскольку именно этот, еще не обработанный (!) «доэкспедиционный» материал был показан собирателем в Москве. В тетради имеется запись: «В начале января 1902 года тетрадь была отправлена в Москву в Музыкально-этнографическую комиссию об-ва Е.А. и Э. по ее предложению для ознакомления 4 февраля, мною собирателем, прибывшим в М [оскву], был сделан доклад о собирании на Дону произведенном (...) с 1896 года» (тетр. VI, с. 145).

Это замечание А. М. Листопадова совпадает со сведениями из отзыва А. Л. Маслова («Отзыв о русских народных песнях, записанных в 1-ом Донском округе А. М. Листопадовым»). По указанию Маслова, им было показано 177 свадебных песен с напевами и 24 других не свадебных — былин, исторических и протяжных песен. Оценка этих записей была справедливо высокой: «Материал г. Листопадова, заключающий в себе такую массу песен в древне-природных строях..., превышает труд г. Пальчикова, и его нелегкий труд нужно считать образцовым, составленным по всем требованиям науки»⁴³.

Это заключение было опубликовано уже вместе с двустрочными хоровыми обработками и в каком-то смысле способствовало распространению заблуждения о характере публикаций, которые сразу вошли в научный обиход, стали объектом изучения (см. труды А. Л. Маслова, В. Пасхалова, А. Кастальского, В. С. Миллера и др.). Эти публикации, а не вызвавшие одобрение оригиналы были удостоены медали 11 октября 1904 года. Возможно, что для А. М. Листопадова это было одобрением метода обработки.

Позднее А. М. Листопадов искал поддержку у членов комиссии, когда «войсковое начальство нашло песни „слишком простыми“ и, вследствие этого, неудобными для исполнения войсковыми хорами». Речь шла о характере обработки напевов и о том, «в каком виде следовало бы издать собранный материал — неизменным, как он поется в народе, или гармонизованным»⁴⁴. В другом протоколе говорится о записке Донскому статистическому комитету по поводу издания работ А. М. Листопадова в «нетронутым виде». Записка эта, по заявлению А. М. Листопадова, привела к желаемым результатам⁴⁵.

На самом деле, как явствует из протокола ОВДСК от 10.06.1904 г.⁴⁶, на заседании комитета столкнулись два противоположных мнения: мнение МЭК, в соответствии с которым «мотивы и тексты должны быть в том чистом и сыром виде, как они были записаны. Мотивы должны быть свободны от всякой художественной обработки, аккомпанемента, изменений в мелодии и сопровождающих голосах. Равным образом в текстах необ-

ходимо сохранить полную неприкосновенность, отнюдь не допуская ни сводки, ни каких-либо изменений»⁴⁷. Донская песенная комиссия считала, что песни следует художественно обработать и издать «народно-популярный» сборник-хрестоматию объемом около ста песен. «Заседание нашло удобным согласить, насколько возможно, оба мнения». А. М. Листопадов решил взять на себя обработку, редактирование, корректуру с помощью МЭК⁴⁸.

Далее собиратель излагает свои мысли о самой обработке песен: текст необходимо «пройти от первого до последнего слова... причем стих должен выравниваться так, что можно будет без труда подлаживать слова под напев». Параллельно с музыкальной обработкой делать вставки, перемещения слов, «пропева я от начала до конца... выравнивая текст там, где его заминали неуверенные или забывшие песню исполнители. С музыкальной стороны обработка будет заключаться в исправлении ошибок, вкравшихся от неуверенного или сбивчивого исполнения, в расширении напева в тех песнях, которые исполнялись одним певцом без помощников и подголосника, что случалось очень часто, в подведении подголоска, где его нет, в разделении на такты, метрономизации и т. д.»

Как высказался А. М. Листопадов, «одноголосие нужно обрабатывать в этом научно-популярном издании, чтобы песни можно было исполнять мужским двухголосным и трехголосным хором и детским школьным. (...) Один недостаток такой обработки — это тот, что она неудобна для четырехголосного смешанного хорового исполнения на концертной эстраде». Такую «художественную обработку» можно сделать позже⁴⁹.

Собиратель также предложил вместе с экспедиционными записями издать и его 400 песен, записанных ранее, «которые при однородной обработке... явились бы довольно ценным дополнением», и высказал соображение о том, что при издании песен по выпускам каждый выпуск по способу обработки должен представлять «как бы самостоятельное издание»⁵⁰. В первом издании идеи эти реализовать не удалось, но они были осуществлены в издании ПДК. Материал был сведен воедино и весьма неоднородно обработан. В наибольшей степени — воинский полковой (две части I тома и II том), в меньшей — бытовой (1-я часть I тома, III том). Что же касается частых песен, особенно календарно приуроченных (святочных и хороводных) и свадебных, то они в целом ближе всего современной исполнительской традиции. Именно здесь наибольшая близость обнаруживается и между автографами и публикациями.

Все сказанное о редакционной методике в равной степени относится к записям обряда (РОМК, тетр. VII). Но здесь собиратель не просто сводил разновременные записи обряда, но и компилировал опубликованные источники. К с. 3 сделана вклейка, на которой написано, что «главными пособиями при обработке свадебных сцен и описании обрядов служили мои собственные, мои

черновые заметки и коротенькие заметки А. Авчинниковой», на с. 157: «...для образца описания старинной свадьбы см. проф. Андреев „Русский фольклор“ 938, стр. 80—104. Порядок сводов или рукобитья в ст. Н-Кундр [юченской] и В-Кундр [юченской], потом из Харузина, потом из рукописи, из Петрова Дм. Бирюка „Казачи“ выписки».

В тетради VI под заголовком «Своды» или «Рукобитье» имеется карандашная пометка «по Кравченко (Раздоры н/Д) — створы [—] также по архивной рукописи, найденной мною в Ростове в 1940 г.»⁵¹ В самом же описании свадьбы он ссылается также на работы М. Харузина и И. Краснова и других историков. Поскольку собиратель активно использовал источники конца XIX века (особенно в описаниях одежды и других этнографических деталях), он характеризовал обряд как восстановленный, а не ныне бытующий, т. е., по его замечанию, как его играли 20—30 лет назад.

В виде такой художественной реконструкции он и увидел свет в V томе «Песен донских казаков».

Завершая обзор архивов А. М. Листопадова, нельзя не охарактеризовать кратко самый большой и самый доступный архив, хранящийся в ГЦММК им. Глинки. Фонд А. М. Листопадова (ф. 147) насчитывает 692 ед. хр. Несмотря на то, что фонд прекрасно обработан, использовался он весьма ограниченно. Многие ценные его материалы еще ждут своих комментаторов.

Весьма интересна с точки зрения редакционной методики переписка А. М. Листопадова с Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд по поводу разночтений готовящегося I тома ПДК и сборника 1911 года (ед. хр. 21, 322—325, 693—700, 701—704), заметки к переписке с Е. В. Гиппиусом, переписка с С. А. Кондратьевым (ед. хр. 363—370), фотографии, подборки газетных и других материалов, которыми пользовался А. М. Листопадов, документы о его педагогической деятельности и работе в музыкальных ансамблях.

Большая часть фонда — документы предвоенного и послевоенного времени. Имеются здесь, однако, старые тетради, начатые еще в 1892—1897 годах и редактировавшиеся или дополнявшиеся до 1940—1943 годов (ед. хр. 108, 109, 137—140). Это материал — однотипный с хранящимся в РОМК, описанным нами. Текстуальные характеристики этих тетрадей несколько иные, поскольку в них, наряду с частыми песнями, содержатся записи протяжных песен мужской традиции (воинской и бытовой), в большей степени подвергшиеся обработке.

Есть здесь и важные документы к биографии А. М. Листопадова, например «Выпись из метрической книги Рождество-Богородицкой церкви хутора Чекалова 2 Донского округа за 1873 год о рождении...» (ед. хр. 517). Небольшой нюанс в биографии (согласно всем биографам, собиратель родился в хуторе Насонтове Екатерининской станицы), но все же существен-

ный и требующий дальнейших уточнений о времени переселения семьи на Донец. Опись материалов, пропавших при ограблении квартир Листопадова в Ростове и Цимле в 1942—1943 годах (ед. хр. 526), может помочь в поисках утраченных частей архива и библиотеки.

Перелистывая страницы архивных документов, проникаешься невольным уважением и к собирателям-предшественникам, и к донской бюрократии. Высокий уровень статистического хозяйства, серьезное отношение к любому прорабатываемому вопросу, прекрасная организация дела и, наконец, сохранность документов и культура их ведения: это относится и к архивам общественным, и к личному архиву А. М. Листопадова, демонстрирующему единство метода собирания, записи и публикации песен и определенное его теоретическое обоснование.

Процесс текстологического изучения наследия А. М. Листопадова стал своего рода хрестоматийной иллюстрацией метода музыкальной текстологии, сформулированного Е. В. Гиппиусом, о выработке отношения к источникам через сравнение их с достоверными записями, в первую очередь с песнями, сохранившимися в живой исполнительской традиции, в звукозаписи и нотации⁵².

Начав в 1973 году по предложению Е. В. Гиппиуса критическое изучение записей А. М. Листопадова со сравнения их с повторными звукозаписями и их нотациями, выполненными в тех же местах, от представителей тех же семейных традиций, еще до знакомства с ранними автографами собирателя, автор сформулировал ряд музыкально-редакционных принципов (см. *Примеч. 6, 7*), которые подтвердились в ходе исследования документов о фольклористической деятельности и автографов А. М. Листопадова. Это, разумеется, не ставит под сомнение традиционные методы текстологии, так как именно они дают исследователю исторически достоверные факты.

Работая над статьей, автор поставил перед собой задачу описать и интерпретировать ранее не использовавшиеся и неизвестные документы, открывающие новые стороны деятельности А. М. Листопадова и С. Я. Арефина, и уточнить их место среди документов ранее обнародованных фондов. По-видимому, не каждый интересующийся фольклористической деятельностью донских собирателей сможет познакомиться с подлинниками документов, хранящимися в музеях и архивах Ростовской области. Ввиду этого в статье приведены достаточно обстоятельные описания и обширные цитаты, а Приложение содержит значительное число копий записей напевов и текстов.

Автор приносит благодарность за содействие в работе главному хранителю РОМК Т. И. Каневской, директору этого музея Л. Г. Зайчиковой, директору НМИДК Л. А. Гурову, директору ГАРО Н. А. Чумаковой, заведующей архивно-рукописным отделом ГЦММК им. Глинки К. С. Баласанян.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Листопадов А. М. Песни донских казаков: В 5 т. М.; Л., 1949—1954.* (Далее в тексте *песни донских казаков* — ПДК.)
- ² См.: *Листопадов А. М. Автобиографические заметки // Сов. музыка. 1948. № 7.*
- ³ *Затаевич А. 500 казакских песен и кюй'ев...: (Напевы и инструм. пьесы). Алма-Ата, 1931. С. XIV.*
- ⁴ См.: *Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным. Вып. 1 / Обраб. для печати А. М. Листопадов. М., 1911.*
- ⁵ См.: *Маслов А. Песни донских казаков // Музыка и жизнь. 1912. № 3; Гиппиус Е. В. Обзор сборников русских народных песен. Ч. 3. (Машинопись. Кабинет народной музыки Московской гос. консерватории); *Он же. Лекции по истории собрания фольклора, читанные в Московской консерватории в 1944—1948 гг. Ч. 1, 2. (Машинопись. Хранилась в личном архиве Е. В. Гиппиуса); Канн-Новикова Е. Собирательница русских народных песен Евгения Линева / Ред. и предисл. проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1952.**
- ⁶ См.: *Добровольский Б. М. Работа А. Листопадова над песенным фольклором донских казаков // Народная устная поэзия Дона: [Материалы конф.]. Ростов н/Д., 1963; Свиридова И. К. Песенные традиции Дона в публикациях Листопадова // Сов. музыка. 1973. № 12; Она же. Работа А. М. Листопадова над донским фольклором // Из истории русской и советской музыки: [Сб. ст.]. Вып. 2. М., 1976; Рудиченко Т. С. О песенной традиции родины А. М. Листопадова // Традиционное и современное народное музыкальное искусство: [Сб. ст.]. М., 1976; Она же. По следам экспедиций А. М. Листопадова // Современное состояние казачьей песенной традиции и проблемы ее изучения: [Сб. ст.] / Ред.-сост. А. А. Банин. (Готовится к печати Союзом композиторов РСФСР.)*
- ⁷ Государственный центральный Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки (ГЦММК), фонд А. М. Листопадова (ф. 147, ед. хр. 526).
- ⁸ См.: *Лобанов М. Новочеркасская рукопись: Новое о деятельности А. Листопадова // Сов. музыка. 1983. № 10.*
- ⁹ В 1989 г. автору статьи удалось приобрести у частного лица «Труды музыкально-этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (ТМЭК ОЛЕАиЭ) (Т. 1. М., 1906; Т. 2. М., 1911) с пометами А. М. Листопадова.
- ¹⁰ См.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Областного Войска Донского статистического комитета (ОВДСК), ф. 353, ед. хр. 543, л. 1 об.
- ¹¹ См.: Там же, ед. хр. 567, л. 15, 16.
- ¹² См.: Новочеркацкий Музей истории донского казачества (НМИДК), инв. № 16686.
- ¹³ ГЦММК, ф. 147, ед. хр. 1—692; Ростовский областной музей краеведения (РОМК), ед. хр. 2860/2-4, 16859/1-11.
- ¹⁴ См.: ГАРО, ф. 55, оп. 1
- ¹⁵ См.: ОВДСК, ф. 353, оп. 1.
- ¹⁶ См.: *Гегузин И. Влюбленный в песню. Ростов н/Д., 1974.*
- ¹⁷ См.: *Арефин С. Я. Среди песеннико-казаков: Орывки из воспоминаний // Вестник Европы. 1912. № 10.*
- ¹⁸ ГАРО, ф. 353, ед. хр. 543, л. 12. (Здесь и далее в цитатах разрядка моя.— Т. Р.)
- ¹⁹ Там же, ед. хр. 567, л. 1.
- ²⁰ Там же, ед. хр. 543, л. 10, 10а.
- ²¹ Там же, л. 11.
- ²² См.: *Рудиченко Т. С. Указ. соч.*
- ²³ ГАРО, ф. 353, ед. хр. 543, л. 5 об.
- ²⁴ Там же, л. 11.
- ²⁵ См. примеч. 17. Доклад А. М. Листопадова о подготовке к изданию первого выпуска «Песен донских казаков» (ед. хр. 567) будет рассмотрен ниже.

²⁶ См.: ГАРО, ф. 353, ед. хр. 543, л. 11.

²⁷ Там же, л. 60.

²⁸ В докладе на заседании ОВДСК 10.06.1904 г. А. М. Листопадов ссылается на смету издания, составленную С. Я. Арефинным как более компетентным, по словам Листопадова, в этих вопросах (ф. 353, ед. хр. 567, л. 15).

²⁹ См.: ПДК, т. 1, ч. 2, с. 453—466; т. 2, с. 552—559; ГАРО, ф. 353, ед. хр. 543; отчет от 9.11.1902 г. (л. 48 — 6 чел.), от 9.12.1902 г. (л. 59 — 20 чел.), от 1.01.1903 г. (л. 60 — 8 чел.). В сборнике 1911 г. также приведены списки исполнителей, участвовавших в работе экспедиции 1902—1903 гг., но здесь нет сведений об исполнителях, с которыми А. М. Листопадов работал самостоятельно; при подготовке ПДК к печати у Листопадова возникли проблемы, связанные с восстановлением списков исполнителей низовых станиц, что и породило у первого редактора издания Е. В. Гиппиуса сомнение в их подлинности.

³⁰ См.: ГАРО, ф. 353, ед. хр. 558, л. 4 (20 чел.).

³¹ Об этом интересно писал А. М. Листопадов в статье «Народная казачья песня на Дону».

³² В ед. хр. 666 имеются заявки от командиров и частных лиц на сборник и документы об организации его рассылки.

³³ Среди документов — свидетельство о смерти, удостоверение о праве на дополнительную жилплощадь, набросок плана мероприятий к 75-летию А. М. Листопадова, справка из домоуправления о занимаемой площади, доверенность на получение Е. Н. Алексеевой от Е. В. Гиппиуса «Песен донских калмыков», «Песен гражданской войны» и фоновалика с песней калмычки.

³⁴ Соотнесение копий писем в РОМК с эпистолярным фондом ГЦММК для автора было затруднено не только разобщенностью материалов, но и ограничением сроков работы с архивом РОМК. Часть из них дублирует документы ф. 147 этого музея.

³⁵ См.: РОМК, ед. хр. 16659/10 и 2860/3; нумерация единая для материалов донской песенной экспедиции в ГАРО и НМИДК.

³⁶ См.: РОМК, ед. хр. 2860/4.

³⁷ См.: Там же, ед. хр. 2860/2.

³⁸ См.: ПДК, т. 5, № 42—46, 48, 49, 62, 167, 187, 188, 203, 204, 231.

³⁹ См.: Там же, № 42—46, 187, 231.

⁴⁰ См.: Там же, № 167, 204.

⁴¹ Римскими цифрами обозначены номера тетрадей.

⁴² ГАРО, ф. 353, ед. хр. 567, л. 14.

⁴³ ТМЭК, т. 1 (протоколы заседаний комиссии за 1901—1906 гг. с приложениями).

⁴⁴ Там же, протокол ХХІХ, с. 34.

⁴⁵ См.: Там же, протокол ХХХІ, с. 36.

⁴⁶ См.: ГАРО, ф. 353, ед. хр. 567, л. 12, 13.

⁴⁷ Там же, л. 12 об.

⁴⁸ См.: Там же, л. 13.

⁴⁹ Там же, л. 14, 15.

⁵⁰ Там же, л. 13.

⁵¹ Имеется в виду рукопись из архива Х. И. Попова; иногда Листопадов называет ее рукописью Каклюгина (по-видимому, певца из станицы Н.-Кундрюченской), ф. 55, ед. хр. 43.

⁵² *Гиппиус Е. В.* Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // *Балакирев М. А.* Русские народные песни / *Ред., предисл., исслед. и примеч.* проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. С. 229—281 (гл. 2: Текстологическое исследование).

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1а. ПЕРЕД ВЕЩОМ

(Проводы жениха за невестою)

Довольно скоро ♩ = 120

ГАРО, Ф. 55, ед. хр. 790, л. 16.

Сопр. I и II Двое Все

1. Во - ро - та скры - пять знать мо - ро - зам быть

Альты

во - ро - та скры - пять знать мо - ро - зам быть

Для повт. конец

№ 1 б. НЕВЕСТА НА ПОСАДЕ

Не скоро ♩ = 60

ГАРО, Ф. 55, ед. хр. 790, л. 19.

Сопр. I и II

1. По - ле - ва - я на - ша вы - шен - ка

Альты

До - ро - га я на - ша го стин ка

Для повт. конец

№ 2. ОЙ, ДА ВОСКРИКНУЛА ЛАСТУШКА

(При повивании невесты)

ТМЭК, № 11, с. 217. Екатерининская ст. 1897 г.

Протяжно ♩ = 72

Сопрано

1. Ой, да ва - скри - кну - ла ла - сту - шка

2. Да вас - пла - чит - ца На - стю - шка

* В прилож. № 1 (а, б), 2, 4, 7, 8 нами изменена графика; как и в других песнях, для удобства сопоставления она выполнена в соответствии со структурой.

ра - но на за - ре,
па сва - ей ка - се,

ра - но на за - ре Ой,
па сва - ей ка - се Ой,
2... тать
3...

Песня при повивании

РОМК, тетр. VI, с. 90, № 103.

Ой - да во-скри - кну - ла ла - сту - шка
ра - но на за ре — ра - но на за - ре

Ой, да воскрикнула ластушка

Медленно = 72

Женские голоса

ПДК № 256, г. V.

Ой, да во скрик ну - ла - ла - сту - шка
Ой, да во спла - че - тца На - стю - шка

ра - но на за - ре, ра но на за - ре
по сво - ей ко - се, по сво - ей ко се

№ 3. ДЕНЬ ДРУГОЙ. ХОРОНЯТ КОНЦЫ. УТРОМ В ДОМЕ ЖЕНИХА

РОМК, тетр. VI, № 114, с. 100.

Да ве чор зай ка, да ве чор зай ка да по го ро - кам бе - гал

Женские голоса

да лю ли лю-ли да лю ле шень ки да по го ро чкам бе — гал

оригинал в „gis” ПДК Т.У, № 89, текст № 275.

Да го ро шек мой да зе лен ь кий лю б лю те бя се — ять

2. Да при всем по ле при до ро ге, при вы со —ким кур га — не

да лю-ли, лю — ли, да лю-лѐ — шун ь ки лю б лю те-бя се — ять

да лю-ли, лю — ли, да лю-лѐ — шун ь ки при вы-со —ком кур га — не

ДА ГОРОШЕК МОЙ

♩ = 138

Белая Калитва, оригинал в „k” 1977 г.

2. Да вче-ра(же) в по-ле при до — ро-жке при вы-со —ком кур — га — не — (а)

да лю-ли, лю — ли да лю-лю — шун ь ки при вы-со —ком кур — га — ня, да,

№ 4. ЧЕЙ КОНЬ НАПЕРЕДИ

РОМК, тетр. VI, № 175, с. 163.

♩ = 84

А чей конь да на пе — ре — ди, да, ра — но, ра — но

а и чей конь на пе — ре — ди ра — но ра — но, да

И — ва — нин конь, да, на — пе — ре — ди, да, ра — но, ра — но

И — ва — нин конь на — пе — ре — ди ра — но ра — но, да

№ 5. (День свадьбы) Идут за невестой

Как на реч - ке, да, на Ду - най ке ра - но ра - но
как на реч - ке на Ду - най - ке ду - ши мо - ей.

№ 6. ПОСИДЕЛКИ

РОМК, тетр. VI, № 13, с. 12.

Зи - му ле - то э - та со - сен - ка зе - ле - на,
зе - ле - на, зе - ле - не - хонь - ка сто - я - ла У се - ре - ду [карандаш]

Довольно медленно = 60
ЗИМУ ЛЕТО (свадебная) ТМЭК, т. П, № 1, оригинал в „а”.

Запев
Зи - му ле - то э - та со сен - ка бы - ла зе - ле - на
зе - ле - на, зе - ле - не - хунь - ка, да, сто - я - ла Ай
все
Зе - ле - на, зе - ле - не - хунь - ка сто - я - ла,
в по - не - дель - ник на - ша На - стю - шка бы - ла ве - се - ла

ЗИМУ ЛЕТО
(„На недельное”)

ст. Краснодарская, 1974 г.
оригинал в „б”.

♩ = 72
Одна Все
1. Зи - му ле - то, да э - та со - сен - ка бы - ла зе - ле - на
Две

зе - ле - на - я жи^(ш) зе - ле - нё - хунь - ка . сто - я - ла е... ей

№ 7. ПОЕЗЖАНЕ ПО ПУТИ ОТ ВЕНЦА И ПО ПРИЕЗДЕ

РОМК, тетр. VI, № 9, с. 86.

[Ла] на двор по ве че - ре - ло на дво-ре по - ве - че ре - ло
 све кровь по ве-се ле - ла ждет се-бе да ко ры [с]го чку
 мо-ло-ду-ю да не ве сто-чку

№ 8. ИДУТ ЗА ВЕЧЕРНИМИ

РОМК, тетр. VI, № 110, с. 96.

До - бра - я го - ди - ну - шка на - ста - ла
 Ан - ну - шка за ба - тень - кой по - сла - ла

№ 9. [ТРОПИНКОЮ ГАЛКА ШЛА]

РОМК, тетр. VI, № 5, с. 4.
 Оригинал в „2”.

Тро-пин ко - ю гал ка шла тро лин ко ю чер на я
 чер - на я чер на я чер на я чер на я да

ТРОПИНКОЮ ГАЛКА ШЛА

ст. Краснодарская, 1974 г.

3. Хва-тил га-лку за кры-ло, да, хва-тил га-лку за кры-ло

3. Хва-тил га-лку за кры-ло, да, хва-тил га-лку за кры-ло

3. Хва-тил(ы) га-лку за кры-ло, да, хва-тил(ы) га-лку за кры-ло

за кры-ло, за кры-ло да, за кры-ло, за кры-ло, да,

за кры-ло, за кры-ло да, за кры-ло, за кры-ло, да,

за кры-ло, за кры-ло да, за кры-ло, за кры-ло, да,

№ 10 (РОМК) Иди, иди, батенька, не бойся
 В черные чоботы обуйся,
 Топчи врага под нога,
 Чтoб наши враги молчали,
 А подковочки брунчали

Запись 1974 г.: Иди, иди, маменька, не бойси,
 В черные чоботы обуйси,
 Топчи врага под нога,
 Чтoб наши враги молчали,
 А подковочки брунчали

№ 11 (РОМК) Ой, попик, батька наш,
 Построй церковку возле нас,
 Проруби двери против нас,
 Венчай Васюшку в добрый час

Запись 1974 г.: Ой, попик, попик, батька наш,
 Поставь церковку, да, возле нас,
 Проруби двери против нас,
 Венчай Васюшку в доброй час

№ 12 (РОМК) «Похоронное причитание по муже...»
 (№ 168, с. 158, тетр. VI; Морозова Дарья Павловна 35 л.,
 Бессергеновской стан[ицы] причитывает по муже)

Да милый мой друг, Василий Ефимович!
 Да пашто* ж ты мне молоду оставил,

* В рукописи неразборчиво — всюду слово «пашто», возможно, следует читать «нашто», что более соответствует традиции. Автор, однако, исходил прежде всего из особенностей написания первой буквы слова.

